

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РАЗДЕЛЕННЫХ ЭТНОСОВ

© 2007 г.

Ю.А. Балашов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

yurybalashoff@rambler.ru

Поступила в редакцию 25.04.2007

Рассматриваются основные механизмы формирования гражданской идентичности этнических групп, разделенных границами двух или более государств, разрабатываемые руководством заинтересованных стран Европы, а также Ближнего и Среднего Востока. Анализируются факторы, стимулирующие ирредентистские проекты в среде разделенных народов.

Актуальность заявленной проблемы определяется несколькими основными причинами. Во-первых, анализ проблем формирования гражданской идентичности этнических групп, разделенных границами государственных образований, позволит лучше разобраться в специфических механизмах развития современных международно-политических процессов, обусловленных глобализацией, изменением роли национальных государств на мировой арене и эрозией государственного суверенитета. Во-вторых, исследование данного вопроса позволит усовершенствовать наши представления о межэтнических коммуникациях в рамках современных государств и ответить на целый ряд перспективных вопросов, связанных с трансграничным сотрудничеством на региональном уровне. И, наконец, в-третьих, изучение поставленной проблемы позволит сформулировать некоторые прогнозные оценки, касающиеся развития внутривнутриполитических процессов в границах Российской Федерации, а также касающиеся двусторонних отношений между Россией и соседними государствами, такими, например, как Грузия и Азербайджан.

Разделенные этнические группы [1], даже обладающие высоким статусом в рамках социума «разделяющих» государств, как правило, настроены если не на сецессию и создание собственного единого государства в рамках своего этнического пространства, то, по крайней мере, на получение максимально широкой автономии в рамках уже существующих государственных образований и развитие трансграничного сотрудничества с соплеменниками. Такая установка усиливает этническую идентичность у представителей соответствующих народов, серьезно затрудняет формирование у них гражданской идентичности, обеспечивающей их лояльность той или иной стране проживания, что, в свою

очередь, формирует условия для дестабилизации внутри- и внешнеполитического положения государств, в состав которых входят территории, населенные разделенными народами [2]. К настоящему времени мировое сообщество еще не выработало каких-либо универсальных рецептов урегулирования проблемы разделенных этнических групп, однако государства, сталкивающиеся с данной проблемой в течение последнего столетия, сумели создать целый ряд механизмов, позволяющих относительно эффективно управлять ирредентистскими и автономистскими настроениями обозначенных этносов исходя как из политических потребностей той или иной страны, так и из специфики политических, экономических и этнокультурных процессов, характерных для отдельных регионов, в определенной степени подчиняя их политическую активность общегосударственным (общегражданским) интересам. В данной статье автор планирует остановиться на изучении подобного опыта, накопленного такими странами, как Испания, Франция, Иран и Турция.

Что касается Франции и Испании, то эти страны периодически сталкиваются с актуализацией проблемы басков, разделенных франко-испанской границей, суть которой заключается в стремлении определенных социальных сил – представителей баскской этнической группы – к отделению Страны Басков от Испании и в перспективе от Франции, что повлечет за собой создание собственного государственного образования. Высокий потенциал развития настроений такого рода предопределяется тем, что они имеют достаточно широкую поддержку со стороны молодежи, принадлежащей к самым различным социальным слоям, а также со стороны достаточно значительного количества

представителей политической элиты Басконии. Стремление существенной части политических сил к повышению статуса басков в системе межэтнических коммуникаций выливается зачастую в крайние формы, связанные, в частности, с терроризмом, олицетворением которого является организация ЭТА [3]. По мнению значительной части экспертов, активность членов ЭТА серьезно дестабилизирует внутривнутриполитическую ситуацию в Испании, способна негативно воздействовать на политический климат на юге Франции и в европейском регионе в целом, препятствуя в том числе развитию политических инструментов взаимодействия между этническими меньшинствами и государственными институтами в Европе [4, с. 368].

Что же касается политических, ненасильственных, не связанных с терроризмом проектов решения баскской проблемы, то многие из них также способны привести к осложнению ситуации в регионе и дальнейшей эскалации конфликта между басками и государствами, «разделяющими» их этническое пространство. Одним из таких проектов является институционализация баскской этничности в рамках Евросоюза, подразумевающая расширение полномочий руководства Страны Басков в международно-политической сфере и интенсификацию трансграничных связей между испанской и французской частями Басконии. Очевидно, что подобные проекты даже в условиях меняющейся роли национального государства на мировой арене и так называемой эрозии государственного суверенитета чреваты появлением новых конфликтогенных факторов. С отмеченным проектом тесно связан лозунг «Европы народов», провозглашенный лидерами баскских сепаратистов и направленный, по мнению ряда отечественных политологов, на возрождение «этнонациональной обособленности», не только противоречащей идее объединенной Европы, но и подразумевающей дальнейшее ослабление роли национальных государств в европейском региональном процессе и, соответственно, ослабление гражданской идентичности их населения [4, с. 369].

В этих условиях сохранение территориальной целостности становится одной из основных задач руководства Испании и Франции, что, в свою очередь, подразумевает разработку и реализацию системы мер, связанных с поддержанием общегосударственной, гражданской

идентичности населения независимо от этнической принадлежности отдельных его представителей. Показательным в данном случае может считаться пример Испании, правительство которой, несмотря на периодические попытки отказаться от диалога с сепаратистски настроенной элитой Страны Басков, проводит в целом конструктивную политику, направленную после крушения франкистского режима на устранение конфликтности в межэтнических отношениях посредством наращивания процессов децентрализации государства и предоставления автономного статуса национальным территориям [5]. Такое государственное устройство не противоречит идее общегосударственной идентичности в условиях, когда государство обеспечивает (в том числе на законодательном уровне) свободное развитие специфических этнокультурных характеристик, выступая гарантом автономного статуса национальных территорий в рамках единого политического пространства.

Ослабление партикуляристских настроений испанских басков и укрепление их гражданской идентичности обеспечивается не только на правовом, но и на институциональном уровне. В Испании отсутствует механизм ведения многосторонних переговоров между центром и регионами по поводу разграничения полномочий. Вместо него в этой стране разработан механизм двустороннего взаимодействия, где ведущими участниками переговоров выступают со стороны региона представители правительства автономии, а со стороны Мадрида – министерство по делам общественных администраций [4, с. 197], что позволяет в ходе диалога ставить и обсуждать конкретные вопросы экономического, политического или культурного развития и минимизировать воздействие националистических деклараций на общественное мнение как в рамках национальных территорий (в том числе в Стране Басков), так и в Испании в целом. Поддержание гражданской идентичности басков осуществляется также на уровне ведущих политических партий страны, которые неоднократно предпринимали попытки основания широких коалиций, способных в рамках правового государства оказать позитивное политическое противодействие баскскому сепаратизму, в том числе в его крайних проявлениях [6; 7, с. 79].

Таким образом, в период последней четверти XX – начала XXI в. испанское общество

выработало относительно эффективные механизмы сохранения гражданской идентичности разделенных басков, позволяющие некоторым образом компенсировать воздействие на представителей данной этнической группы ирредентистских проектов, провозглашаемых баскскими политическими силами, выступающими за объединение этнического пространства данного народа в рамках собственного государственного образования. Эффективность этих механизмов подтверждается усилением в среде басков той части национальной интеллектуальной элиты, которая рассматривает ирредентистские проекты скорее как политическую утопию, нежели как реальную перспективу [8]. Однако относительность этой эффективности также находит подтверждение как в сохранении ирредентистскими лозунгами своей популярности в молодежной среде, так и в сохраняющихся требованиях политической элиты Страны Басков относительно расширения полномочий данного региона в сфере международных связей, что вызывает раздражение и протесты официального Мадрида.

Французский вариант формирования гражданской идентичности французской части разделенных басков сочетает в себе использование демократических институтов в данной сфере наряду с традиционным отказом от признания локальных этнических меньшинств, не говоря уже о предоставлении им автономного статуса. Указанные методы дополняются сотрудничеством французских и испанских полицейских структур в сфере профилактики терроризма и ослабления трансграничных связей радикальных баскских националистов, что позволяет минимизировать их воздействие на общественное мнение в баскских районах Франции. Эффективность этой системы мер также относительна, свидетельством чего могут служить достаточно многочисленные факты присутствия французских басков в руководстве радикальных организаций (в том числе ЭТА), обеспечивающих постоянную связь между двумя частями разделенного этнического пространства данного народа и функционирование укрытий для террористов [4, с. 292].

В то же самое время нельзя не отметить, что интенсивность развития баскского ирредентистского национализма на территории Франции существенно ниже, чем в Испании. По мнению ряда французских политических

деятелей, это связано с тем, что на территории Франции представители данной этнической группы никогда не подвергались серьезной дискриминации и имели возможность беспрепятственно участвовать в политической жизни страны, занимая места в представительных органах власти, муниципалитетах и т.д. Немаловажным фактором, позитивно воздействующим на формирование гражданской идентичности французских басков, по нашему мнению, является отсутствие во Франции так называемых национальных партий, выражающих интересы той или иной этнической группы. Кроме того, укреплению их этнической идентичности способствует языковая политика французского руководства [9].

Таким образом, европейский опыт решения проблемы разделенных этнических групп основан главным образом на мерах политического характера, направленных на профилактику их дискриминации на этнической почве, формирование у представителей соответствующих этносов устойчивой гражданской идентичности посредством их вовлечения в демократические государственные институты. Это, однако, не является панацеей от ирредентистских настроений разделенных народов Европы, более того, не исключает их крайних проявлений, дестабилизирующих ситуацию в отдельных странах и ставящих в неловкое положение интеграционные объединения, принимающие на себя часть функций суверенных государств и стимулирующие тем самым попытки элит соответствующих этнических групп реализовать свои проекты на надгосударственном уровне.

Принципиально иной подход к регулированию ирредентистских (автономистских) стремлений разделенных этнических групп и формированию у их представителей гражданской идентичности демонстрируют страны Ближнего Востока. Факты свидетельствуют о том, что государства региона, как правило, не стремятся интегрировать данные этнические группы в свое политическое пространство с помощью экономических и политических инструментов: их руководство прибегает к тактике отрицания полиэтничности населения соответствующих стран или же старается сформировать гражданскую идентичность этого населения на конфессиональной (исламской) основе, провозглашая тезис о незначительности

этнических отличий по сравнению с религиозной солидарностью. При этом любые элементы позитивного опыта урегулирования подобных проблем, накопленного «иноверцами», либо игнорируются, либо объявляются разрушительными для восточного социума, влекущими за собой утрату традиционных ценностей и эрозию традиционных институтов и отношений, эффективность которых проверена веками.

В данном случае может считаться показательным пример Исламской Республики Иран, руководство которой начиная с 1979 г. считало, что в условиях почти абсолютного доминирования в стране приверженцев шиизма конфессиональный принцип общегосударственной идентичности населения должен превалировать, что должно было позволить определенным образом нивелировать этнокультурные различия народов Ирана и ослабить автономистские, сепаратистские и ирредентистские настроения, носителями которых являются курды, белужди, отчасти азербайджанцы и другие этносы, чье этническое пространство разрезано границами сопредельных государств.

Такой подход в условиях тенденциозного восприятия этнополитических процессов в зоне расселения разделенных этнических групп предопределил активное использование руководством ИРИ силовых методов воздействия на национальные движения при участии армейских подразделений, полицейских сил, органов государственной безопасности и Корпуса стражей исламской революции. Силовые действия сопровождались и во многом до сих пор сопровождаются обвинениями сторонников автономии в «западничестве», что фактически лишает последних возможности формирования официально признанных на государственном уровне институтов (политических партий, движений и т.д.) для отстаивания своих интересов. В сложившейся ситуации автономистские движения неизбежно должны были прибегнуть к содействию таких традиционных институтов восточного социума, как племена, кланы, суфийские братства и т.д. Вмешательство традиционных структур, по своей сути «негибких», обусловило жесткость конфронтации между разделенными этносами и Тегераном и ее затяжной характер [10]. Кроме того, это привело к определенной дестабилизации представительных органов власти ИРИ, куда на законном основании в результате выборов проходили традиционные

лидеры, уровень политической культуры которых во многих случаях не способствовал налаживанию диалога, как с представителями органов исполнительной власти, так и с депутатами, придерживающимися других взглядов. Это, в свою очередь, усугубило межэтнические противоречия, т.к. возможность их разрешения в рамках существующих политических институтов была минимизирована, а развитие институтов гражданского общества было невозможным в силу того, что оно, по мнению многих, противоречило идее иранской независимости [11].

В целом иранский опыт урегулирования проблем разделенных этнических групп демонстрирует скорее способность руководства ИРИ к «умиротворению» ирредентистских устремлений соответствующих этносов, подавлению их политической активности, нежели его направленность на создание в стране эффективных механизмов, формирующих гражданскую идентичность их представителей и позволяющих обеспечивать лояльность членов той или иной этнической общности к государству даже в условиях разделенности пространства данной общности между двумя или более государствами, а также позволяющих производить профилактику количественного и качественного роста национальных экстремистских группировок.

Подобным же образом может быть охарактеризована и ситуация в Турции, где существующие государственные институты, несмотря на все заверения лидеров этой страны, стремящейся в Евросоюз, не склонны к формированию атмосферы межэтнической кооперации между турецким населением страны и нетюркоязычными этносами, как разделенными, так и неразделенными. Подтверждением этого может считаться позиция турецких государственных институтов по отношению к курдскому вопросу: несмотря на то что в апреле 1991 г. турецкий парламент принял закон об отмене запрета на курдский язык, сфера его применения официально ограничивалась бытовым общением, в то время как за использование этого языка на телевидении, радио или в кинематографе по-прежнему предусматривалось достаточно суровое наказание – тюремное заключение или большой штраф [12, с. 64]. Необходимо отметить, что такая позиция обусловлена во многом отрицанием этнической самобытности курдов, которое еще с 1920-х гг. было одним из инструментов унификации

населения обновленной послевоенной Турции под эгидой общей идеи турецкого национализма [13]. Даже в конце прошлого столетия большинство представителей турецкой политической элиты провозглашали, что «курды происходят от туранистского племени... временами они находились под господством мидийцев и персов. По этой причине их язык примкнул к семейству индоевропейских языков» [12, с. 63].

Как и в Иране, политика государственных институтов Турции способствовала укреплению традиционных общностей в рамках курдской этнической группы. Не в последнюю очередь это было вызвано тем, что турецкие власти искусственно поддерживают племенное деление курдов, что позволяет им эффективно противодействовать консолидации данного этноса. Развитие межплеменных противоречий в среде турецких курдов достигается, в частности, экономической поддержкой ряда относительно лояльных племенных образований, выражающейся в предоставлении им со стороны правительства частных строительных подрядов, а также выгодных заказов на продовольственное обеспечение войск, разработку и поставки полезных ископаемых [12, с. 66]. Такая политика, несомненно, позволяет турецкому руководству в некоторой степени контролировать ситуацию в Курдистане, однако необходимо отметить, что в то же самое время она способствует затягиванию конфликта в силу уже отмечавшейся выше несклонности традиционных институтов восточного общества к гибкому изменению своих позиций в отношении того или иного политического вопроса.

В не меньшей степени усилению традиционных племенных институтов и развитию конфликта способствует и довольно активная тайная война турецких спецслужб против легально действующих курдских общественных организаций, партий и изданий [12, с. 67], которая способствует концентрации многих курдских националистов на силовых методах борьбы в ущерб отстаиванию своих интересов посредством существующих политических институтов. Таким образом, руководство Турции тормозит модернизацию курдского общества, в том числе развитие в его рамках гражданских институтов, что делает перспективы интеграции этой разделенной этнической группы в турецкое политическое пространство весьма и весьма проблематичным. Показателем такого положения вещей может, на

наш взгляд, служить фактический срыв выборов 1994 года в районах, населенных курдами, что свидетельствует о нежелании курдских избирателей участвовать в общегосударственном политическом процессе.

Таким образом, руководство стран ближневосточного региона ослабляет активность национальных движений разделенных этнических групп, сохраняя территории, населенные ими, в границах соответствующих государств и, до некоторой степени, направляя деятельность этих движений в русло общегосударственных интересов, фактически не формируя при этом механизмов поддержания их гражданской идентичности. Эти механизмы на данный момент достаточно успешно заменяются укреплением традиционных форм идентичности (конфессиональной, клановой, локальной), которые, хотя и не позволяют прочно интегрировать разделенные этнические группы в политическое пространство соответствующих государств, тем не менее ослабляют их ирредентистские устремления посредством стимулирования противоречий между приверженцами различных традиционных институтов, что способствует сохранению территориальной целостности стран Ближнего и Среднего Востока.

Подводя итоги данной статьи, можно констатировать, что к настоящему времени ни одно государство, включающее в свой состав территории компактного проживания разделенных этносов, не разработало каких-либо универсальных механизмов, позволяющих проводить профилактику их сепаратистских и ирредентистских устремлений. Представляется, что в современных условиях, когда государствоцентричная модель мироустройства еще не изжила себя, создание механизмов такого рода вряд ли возможно, т.к., с одной стороны, обладание собственной государственностью является показателем высокого статуса этнической группы, а с другой – создает благоприятные условия для ее дальнейшего развития. Скорее всего, дальнейшие усилия «разделяющих» государств будут направлены на разработку паллиативных мер, направленных на сохранение хотя бы на минимально приемлемом уровне гражданской идентичности представителей данной категории этносов, способствующей их интеграции в общество.

Список литературы и примечания

1. Под разделенной этнической группой мы понимаем этническую группу, территория

компактного проживания которой разделена границами двух или более государств, которая осознает себя в качестве единой общности, стремится к объединению своего этнического пространства в рамках собственного единого государственного образования, или, по крайней мере, к получению широких автономных прав в границах уже существующих государств и формирует специфические механизмы сдерживания культурной дифференциации своих отдельных частей, расположенных по разные стороны государственных границ.

2. Балашов, Ю.А. Проблема разделенных народов в постбиполярном мире / Ю.А. Балашов // *Мировая экономика и международные отношения* в начале XXI века. Актуальные проблемы глазами молодых ученых. – М.: ИМЭМО РАН, 2004. – С. 9–10.

3. ЭТА – аббревиатура названия «Эускади та Аскатасуна», что в переводе с баскского означает «Страна Басков и свобода».

4. Ландбасо Ангуло, А. Терроризм и этнополитические конфликты. Книга 2. Терроризм сегодня / А. Ландбасо Ангуло, А. Коновалов. – М., 2004.

5. Данное направление является в настоящее время основным, однако периодически в испанской политической элите возникает и другой вариант политики интеграции басков и развития у них гражданской идентичности, связанный с силовой нейтрализацией баскских националистов, запретом ряда политических организаций басков и попытками некоторых политических деятелей свести проблему сепаратизма испанских басков исключительно к террористической деятельности, которую можно пресечь используя в том числе и американские рецепты, апробированные в Афганистане и Ираке. Позиция такого рода, несмотря на всю ее устойчивость, не пользуется популярностью ни у испанского истеблишмента, ни у общественности и, более того, вызывает острую критику сторонников так называемой традиционалистской концепции Испании, сопоставимой с «видением Испании как государственного образования из национальностей и регионов с присущими им собственной идентичностью и специфическими особенностями» и как «составного национального государства с различной степенью включенности внутреннего этнотерриториального плюрализма».

6. Примером такой коалиции может служить пакт Ахуриа Энеа, участниками которого стали ведущие общенациональные и региональные партии, представляющие самые разные части политического спектра, включая умеренных баскских националистов.

7. Волкова, Г. Испания: демократия vs. терроризм / Г. Волкова // *Космополис*. № 1(3). – 2003. – С. 79.

8. Черкасова, Е. Страна Басков: терроризм и борьба за самоопределение / Е. Черкасова // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2002. – № 10.

9. Смирнова, О.А. Лингвокультурная политика современной Франции и франкоговорящих стран / О.А. Смирнова. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006.

11. Жигалина, О.И. Этносоциальная эволюция иранского общества / О.И. Жигалина. – М.: Восточная литература, 1996. – С. 141–157.

12. Гасратян, М.А. Курдская проблема в Турции /

MECHANISMS OF FORMING THE NATIONAL IDENTITY OF THE DIVIDED NATIONS

Yu.A. Balashov

Principal mechanisms of forming the civil identity of ethnic groups separated by state borders are examined. Such mechanisms are developed by the authorities of some European and Middle Eastern countries. The author analyses the factors that influence irredentist projects of divided nations.

10. НАТО, Россия и США в глобальном гражданском обществе: Монография / Кол. авт. под ред. О.А. Колобова. – М.-Нижний Новгород: ННГУ, 2005.

М.А. Гасратян. – М.: ИВ РАН, 2001. – С. 64.

13. См. например: Ушаков, А. Феномен Ататюрка. Турецкий правитель, творец, диктатор / А. Ушаков. – М., 2002.